

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

Архим. Михаил

**Сумасшествие,
как повод к разводу**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1906. № 11. С. 832-853.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Сумашествіе, какъ поводъ къ разводу.

ВЪ ПРОШЛОМЪ ГОДУ мы начали рядъ статей «О поводахъ къ разводу». Интересы дня заставили насъ отдать мѣсто другимъ болѣе злободневнымъ вопросамъ и темамъ и мы простояли продолженіе статей.

Но вотъ теперь возбужденный нами вопросъ—самъ становится вопросомъ дня. Въ министерствѣ юстиціи разработанъ проектъ о передачѣ бракоразводныхъ дѣлъ въ вѣдомство гражданскаго суда—и, въ связи съ этимъ проектируется пересмотръ закона «О поводахъ къ разводу».

Авторъ этихъ строкъ и самъ съ своей стороны намѣренъ будировать данный вопросъ въ законодательныхъ сферахъ.

Очевидно, что теперь возбужденіе его въ печати болѣе чѣмъ современно. Только обсужденіе реформы въ печати до *законодательнаго ея рѣшенія* можетъ охранить ея хотя отчасти отъ односторонности, чрезмѣрной робости или чрезмѣрной радикальности.

* * *

Исходнымъ пунктомъ всѣхъ нашихъ разсужденій будетъ проектъ новаго уложенія, такъ какъ онъ конечно, ляжетъ въ основу всѣхъ будущихъ работъ. Мы обязаны исходить изъ него и потому, что какъ бы то ни было — это результатъ 30-лѣтней работы.

Проектъ новаго уложенія считаетъ «недостаточно осторожнымъ» внести въ число поводовъ къ разводу неизлечимую душевную болѣзнь одного изъ супруговъ.

Осторожность—драгоценное свойство въ законодателѣ: его

задача охранять, стеречь интересы и благо народа и отдельных гражданъ, и потому онъ долженъ быть «сторожкимъ».

Однако, бываетъ и нехорошая, «злая» осторожность.

Съ такой осторожностью мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ.

Проектъ нового уложенія не скрываетъ, что въ данномъ случаѣ онъ конкурируетъ съ осторожностью германского уложения въ первой его редакціи.

«Составители первой редакціи проекта германского уложения (Мотивы, IV, стр. 570 и 571)—читаемъ въ «Объясненіяхъ къ проекту» не упускали изъ виду что продолженіе брака, несмотря на неизлѣчимую душевную болѣзнь супруга, можетъ грозить опасностью благосостоянію семьи благу дѣтей, а также нравственности другого здороваго супруга, который не имѣя возможности брачнаго сожитія съ своимъ супругомъ, можетъ вступить во вѣбрачное сожитіе; вмѣстѣ съ тѣмъ составители проекта признавали, что оставляя даже въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько просьба о разводѣ при данныхъ условіяхъ соответствуетъ нравственному назначенію брака—самое разрешеніе важнѣйшаго въ данномъ случаѣ вопроса, является ли душевная болѣзнь супруга неизлѣчимой, представляеть такія трудности, что фактически невозможно провести опредѣленную грань между случаями, въ которыхъ разводъ допускается и тѣми, въ которыхъ онъ не допускается»:

Очевидно, что указанной цитатой редакторы нашего уложения хотѣли сказать, что ихъ мысль текла тѣмъ же путемъ, что они *согласны* съ редакторами германского уложения.

Но они желаютъ быть *еще* осторожнѣе.

Не «оставляя въ сторонѣ», а наоборотъ, выдвигая впередъ «соответствіе закона нравственной идеѣ брака», они дополняютъ требованіе гарантированной неизлѣчимости еще требование, такъ сказать, полноты «*болѣзни*».

«Бракъ возлагаетъ на супруговъ обязанность взаимнаго попеченія и помочи другъ другу (ст. 108); эта обязанность имѣть наибольшую важность, если супругъ, въ виду болѣзни своего состоянія, въ особенности нуждается въ поддержкѣ со стороны наиболѣе близкаго ему лица». Поэтому представлялось бы, по мнѣнію редакціонной комиссіи, возможнымъ допускать разводъ только въ томъ случаѣ, когда не только перестало существовать нормальное душевное единеніе между супругами, но когда также болѣзнь супруга достигла

такой степени, что не въ состояніи сознавать значеніе развода и разлуки съ другимъ супругомъ, и что, въ виду выяснившейся необходимости помѣстить больного въ лѣчебное заведеніе личныя заботы о немъ здороваго супруга для него представляются безразличными».

Идя далѣе,—комиссія склонна и самое «понятіе неизлѣчимости» истолковывать шире чѣмъ его обыкновенно толкуютъ въ смыслѣ полной невозможности даже временнаго и не полнаго улучшения въ здоровыи умалишенаго. «Указанное состояніе могло бы служить основаніемъ въ томъ случаѣ»—пишетъ комиссія, «если бы несомнѣннымъ образомъ было доказано, что оно никогда не можетъ улучшиться, такъ какъ въ противномъ случаѣ допущеніе развода представлялось бы величайшею несправедливостью по отношенію супруга, постигнутоаго болѣзнью».

И въ концѣ концевъ результать слегка противорѣчущій даже тому, что «представлялось» возможнымъ для комиссіи ранѣе.

Точка зреїнія какъ видимъ—очень ясная:

Подведеній балансъ: съ одной стороны благосостояніе семьи, благо дѣтей и т. д., съ другой справедливость — жалость къ больному—въ связи съ «обязанностью уваженія» къ моральной идеѣ брачнаго союза. Вторая скала перетянула. Нетрудно видѣть, что на чашкѣ вѣсовъ—перетянуло въ сущности это послѣднее соображеніе: естественное и законное, по существу, уваженіе къ идеѣ супружеской взаимности, полнаго раздѣла «брачной чаши», которая лежитъ въ основѣ брака.

Говоря иначе мы имѣемъ дѣло съ общей тенденціей комиссіи быть вѣрной народно-религіозному взгляду на бракъ.

«Русскій бракъ построенъ на началахъ религіозныхъ. Исходя изъ того, что бракъ есть таинство, расторженіе его можетъ быть допущено только въ случаѣ нарушенія святости брака».

Эта мысль г. Завадского высказаная въ засѣданіи Киевскаго Юридического Общества при обсужденіи доклада Сергиевскаго¹⁾—принята и комиссией.

Здѣсь, какъ въ каждомъ почти вопросѣ брачнаго права, подлежавшемъ обсужденію комиссіи, побѣдило и законодательствуетъ фальшивое пониманіе идеи брака какъ, «таинства».

¹⁾ Право 1899 г., № 15, стр. 797—798. Докладъ Сергиевскаго.

«Всѣ, допускаемые нашимъ законодательствомъ, поводы къ разводу, вытекаютъ изъ этой столько этой идеи»—говорить Завадскій. Тоже повторяетъ и комиссія.

Не намъ, конечно, представляющимъ церковную сторону, бороться противъ охраны моральной высоты брака.

Но во имя этой моральной высоты брачнаго института мы и протестуемъ противъ аргументовъ комиссіи; мы утверждаемъ, что именно па другой, противоположной скалѣ вѣсовъ и лежить «огромная цѣнность святости брачной идеи».

Бракъ, въ церковномъ смыслѣ, есть сожитіе, союзъ двухъ «душъ», живущихъ одной общей жизнью.

Стоя на этой точкѣ зренія, Церковь православная прелюбодѣяніе, моральное разложение брака, считала и считаетъ болѣе энергичнымъ его разрушеніемъ, чѣмъ смерть одного изъ супруговъ.

Но сумашествіе? — Это конечно тоже болѣе чѣмъ смерть. Оставаясь въ сферѣ церковной метафизики (необязательной, конечно, для гражданскаго права), мы можемъ утверждать, что послѣ смерти еще живы духовныя связи между супружами. При сумашествіи одного изъ супруговъ ихъ нѣтъ.

Здѣсь у одного изъ супруговъ нѣтъ «души», нѣтъ сознанія, онъ умеръ духовно. Слѣдовательно, нѣтъ и брака...

Мало того, если другая сторона ищетъ развода съ больнымъ супругомъ, то ясно, что и въ другой половинѣ подорвано желаніе брачнаго союза въ свою очередь представляющее необходимое условіе нравственнаго брака.

Мы полагаемъ, что гораздо вѣрнѣе чѣмъ Завадскій или комиссія понималъ христианство, напримѣръ, Оболенскій читавшій докладъ въ другомъ Юридическомъ Обществѣ¹⁾.

«Идеальное возрѣніе» на бракъ какъ на духовный союзъ, явилось—говорить этотъ юристъ—уже въ эпоху христианства, возложившаго на вступающихъ въ бракъ обязанность проводить всю жизнь неразрывно съ цѣлью рожденія и воспитанія дѣтей, а также взаимопомощи не только нравственной, но и житейской.

И съ точки зренія, этого идеального пониманія брака супружескаго союза при психической болѣзни одного изъ супруговъ, въ действительности не существуетъ, такъ какъ при такомъ союзѣ не можетъ быть выполнена идея брачная, построен-

¹⁾) Журналъ министер. юстиціи 1899 г., кн. 3, стр. 237.

ная христіанскою церковью и гражданскимъ долгомъ. Такой бракъ есть фикція, не осуществляющая словъ Евангелія «будутъ два одною плотию».

При такихъ бракахъ нѣть семьи не только въ смыслѣ «союза двухъ», но и семьи въ смыслѣ «маленькой церкви». церковно-общественной ячейки, рожденія и воспитанія новыхъ гражданъ міра. Дѣти здѣсь не могутъ получить должнаго воспитанія, лишаясь нравственной поддержки отца или матери. Мало того, подвержены страшной опасности унаследовать отъ родителей недобрую психологическую конституцію.

Бракъ съ психически больнымъ преступленіе противъ идеи брака.

Къ автору этихъ строкъ три года тому назадъ (въ 1902 г.) приходитъ одинъ молодой человѣкъ, кончающій (теперь окончившій) курсъ въ специальному высшемъ заведеніи¹⁾.

Суеть рукопись въ видѣ толстой ученической тетради. Что такое? Зачѣмъ? Оказывается, что это дневникъ, и при томъ какой дневникъ.

Писалъ кто-то, повидимому, въ дикомъ и опасномъ бреду: весь дневникъ пропитанъ безумiemъ. До брака это дневникъ только сумасшедшей, глубоко развращенной и изобрѣтательной въ «умственномъ онанизмѣ» дѣвушки. Дѣвушка живетъ въ воздухѣ полового желанія, нездороваго, изысканного, противоестественнаго. Она рисуетъ иѣлъя картины тонкаго и осложненнаго разврата со всѣми подробностями, какія подсказывала «голодная» мысль. И рядомъ здѣсь страницы, полныя острой ненависти къ семье, роднымъ, жениху... Все это прерывается настоящимъ безсвязнымъ и безсмысленнымъ бредомъ и циничными угрозами по адресу жениха, которыя почти вездѣ переходятъ въ жалобы.

Послѣ брака дневникъ нельзя уже читать. Цинизмъ, распущенность «познавшій», нашедшей отвѣтъ мысли, такой углубленный цинизмъ, что становится жутко. Всѣми буквами описываются сцены, какія не захотѣль бы описать Гусманъ. Откровенно называются имена любовниковъ, дается характеристика каждому. И тутъ же истерическая ненависть къ мужу,

¹⁾ Считаемъ возможнымъ указать на этотъ фактъ въ серьезной работе потому, что дневникъ вошелъ „въ составъ бракоразводнаго дѣла“, которое хранится въ архивѣ Св. Синода (годъ 1902).—Дѣло студента сибирского института К.—„о признавіи недѣйствительнымъ брака его съ М.“. Достать это дѣло для дополнительныхъ справокъ—не удалось.

родившаяся также изъ половыхъ мотивовъ, выкрики по его адресу, что-то о неудавшемся самоубийствѣ. И снова бредъ, безсвязные стихи, афоризмы.

На меня дневникъ произвелъ впечатлѣніе кошмара. «Красный смѣхъ», который тогда былъ въ модѣ,—блѣдная, слабая вещь сравнительно съ дневникомъ. Весь дневникъ какая-то «гримаса».

Искаженная, жалкая, болыная, но вмѣстѣ злая, безжалостная гримаса на распадающемся отъ сифилиса лицѣ.

— Что же это? Зачѣмъ вы мнѣ?

— Да вотъ: она моя жена. Жили 2 года. И убить-то она меня собиралась, и бѣгала... Любовниковъ у меня на моихъ глазахъ въ моей спальнѣ принимала... Теперь въ сумасшедшемъ домѣ, неизлѣчима. Ищу развода. И говорить нельзя... Но винѣ любодѣянія развестись нельзя: теперь по отношенію къ ней вины не докажешь. А сумасшествіе не считается причиной развода.

Да. Я зналь, что онъ правъ. Нельзя. Дѣло безнадежное... На счастье здѣсь выручилъ дневникъ. Можно бы ходатайствовать о признаніи брака недѣйствительнымъ, потому что сумасшествіе было добрачнымъ.

Такъ онъ и сдѣлалъ.

А если бы дневника не было. Еще совсѣмъ молодой, только начинающей жить человѣкъ навѣки связанъ съ женщиною, которую онъ ненавидитъ. Для него счастіе—даже не новый бракъ, а хотя бы только возможность изгладить изъ памяти ея имя, отнять у «той» свою фамилію и чрезъ это сгладить прошлое. Это проклятое прошлое, о которомъ говорить дневникъ.

Нѣть: онъ прикованъ къ сумасшедшемъ.

— Я самъ съ ума схожу,—говорить онъ,—а если ее еще выпустятъ?

— Выздоровѣть?

— Нѣть, она выздоровѣть не можетъ, но если не захотятъ держать, какъ тихую. Бываетъ...

Мы взяли этотъ примѣръ не въ цѣляхъ—вызвать чувство жалости къ мужу, а для того, чтобы дать яркую характеристику расторженія брака. И что можно положить на другую скalu вѣсовъ такого—чтобы можно было уравновѣсить этотъ ужасъ?

Жалость къ больному?

Но неужели можно жалѣть здоровыхъ и не жалѣть больного?

Обязанность «жалости»?

Эта та самая обязанность, которая создала и безжалостную византійскую новеллу Юстиніана (117-ю), запрещающую разводъ по причинѣ душевной болѣзни.

Остановимся на этой сторонѣ вопроса.

Яркими красками описываютъ ужасное положеніе «разведенаго больнаго» Бланшь и Дешамбръ въ засѣданіи медицинской академіи 9 мая 1882 года.

«Когда разводъ по душевной болѣзни допускается закономъ,— говорили медики,— тогда выздоровѣвшій супругъ оказывается лишеннымъ семинарскаго очага. Положеніе запоздалыхъ выздоровѣвшихъ, нашедшихъ свою семью разрушенію вслѣдствіе заключенія здоровымъ супругомъ нового брака, было бы ужасно, въ то время какъ выздоровѣвшій и непрізнанный непрѣдѣлимъ, за недонущеніемъ въ этомъ случаѣ развода, возвращается счастливый въ свою семью. Ни въ чёмъ неповинному несчастному, въ случаѣ развода, закрываются двери его пріюта, который занять теперь чужими людьми. Но картина ужасна и безъ выздоровленія: съ одной стороны несчастный безумный, сидящій въ больнице, а съ другой—здоровый супругъ, основывающій новую семью, пользующійся всѣми радостями жизни»¹⁾.

Какъ ии страшно,—но именно эта наивная аргументація и есть аргументація нашего проекта. Сила (призрачная) нашего проекта въ спутанной и неточной формулировкѣ его положеній.

Эта спутанность иногда маскируетъ нелогичность. Комиссія, отказываетъ въ разводѣ по сумасшествію, останавливается на характеристикахъ видовъ сумасшествія, какіе и выставляеть, какъ поводъ развода, только крайняя лѣвая.

Теоретически разводъ считается возможнымъ, если «перестало существовать нормальное душевное единство съ другимъ супругомъ, больной не въ состояніи сознавать значеніе развода и разлуки съ близкимъ и не замѣчаетъ заботъ о немъ здороваго супруга».

Но вѣдь именно въ этой стадіи, при появлениі такъ называемыхъ признаковъ вторичнаго или послѣдовательнаго слабоумія, которое представляеть форму полной духовной смерти

¹⁾ Журналъ Юрид. Общ. 1896 г. Окт., стр. 49. Докладъ Полетаева «Душевная болѣзнь, какъ поводъ къ расгорженію брака».

больного, психіатри (кромѣ иезначительной лѣвой) и рѣшаются признавать неизлѣчимость сумасшествія.

Психіатрія болѣе чѣмъ умѣренна въ вопросѣ о помѣшательствѣ въ приложеніи къ разводу. Есть цѣлые группы духовныхъ заботлѣваній яркихъ и опредѣленныхъ, которыхъ вовсе не выставляются какъ поводъ къ разводу.

Есть, напр., такъ называемое періодическое и круговое помѣшательство. «При періодическомъ помѣшательствѣ—субъектъ, подвергавшійся иѣсколькоимъ пріпадкамъ, павѣрное будетъ и впредь имѣть по временамъ таковыя съ болѣею или менѣею продолжительностью, и болѣзнь можетъ въ общей сложности растягнуться на десятки лѣтъ, что для брачной жизни равносильно неизлѣчимости; однако же, только въ начальные періоды болѣзни, но и спустя много лѣтъ послѣ начала могутъ наступать свѣтлые промежутки, во время которыхъ болѣй обнаруживаетъ лишь несущественныя уклоненія отъ нормы».

Не смотря на то, что указанныя психіческія заболѣванія собственно уничтожаютъ возможность здоровой и счастливой семьи и не смотря на то, что психіатрическая экспертиза могла бы въ громадномъ болѣшинствѣ такихъ случаевъ установить болѣзненную натуру этихъ состояній и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ неизлѣчимость, «никому, кажется, пишетъ докторъ Розенбахъ, еще не приходило въ голову допускать развода изъ-за означенныхъ особенностей психіческой организаціи, при которыхъ во всякомъ случаѣ не исключается духовное общешіе между супругами, и гдѣ болѣй потерпѣть бы жестокое нравственное лишеніе, вслѣдствіе расторженія брака»¹⁾.

«Разводъ проектируется въ тѣхъ случаяхъ, когда душевное разстройство изъ острыхъ формъ—маніи, бредового психоза и т. п.—переходитъ въ хроническое затяжное помѣшательство, когда душевная болѣзнь, длившаяся иѣсколько лѣтъ, обнаруживаетъ переходъ во вторичное, послѣдовательное слабоуміе. Но въ такомъ положеніи болѣзни, неизлѣчимость легко установима. Въ это время, здѣсь спустя иѣсколько послѣ начала душевного разстройства происходитъ уже ясное перерожденіе психической личности, иногда съ прочно установленнымъ разстройствомъ, помраченіемъ сознанія, иногда съ полнымъ распадомъ интелекта, иногда съ глубокимъ притупленіемъ умствен-

¹⁾ Журналъ минист. юстиціи 1899 г. Мартъ, стр. 62—63.

ныхъ способностей и непониманіемъ или извращеннымъ пониманіемъ его отошений къ реальной жизни.

Въ такомъ «умѣренномъ» смыслѣ высказались сторонники закона о разводѣ во Франціи (Вуазенъ, Люсъ), а также въ Австріи и въ Германіи (Крафтъ-Эбингъ, Мендель и др.).

Но если такъ, то не ясно ли, что разсужденія комиссіи безилодны и напрасны.

Правда Розенбахъ не правъ, говоря, что никому и въ голову не приходитъ допускать разводъ—ради истеріи, неврастеніи и проч.—такіе голоса есть—но пусть бы ихъ комиссія считала «крайними». А сумасшествіе—явно тождественное съ духовной смертью?

Разводъ предполагается тогда, когда «духовное единеніе» невозможно и т. д.

Но оно—явно невозможно въ проектируемыхъ случаяхъ.

Это съ одной стороны.

Еще болѣе страннымъ представляется дѣло, когда комиссія по слѣдамъ Бланши и Дашибра говоритъ о томъ, какъ жестоко лишать больного иѣжной заботливости семьи, и даже о томъ, что нельзя не предохранить его отъ ужаса, по выходѣ изъ больницы, оказаться безъ семьи и очага.

Забота о больномъ... Но нужно помнить, что ищутъ разводъ именно тогда, когда хотятъ устроить новую законную семью. Если имѣть въ виду послѣднія соображенія, то едва ли кто станетъ спорить, что минимая жалостливость къ больному—это сущности ограничить съ полной безжалостностью по отношенію къ нему. Сиачала о больномъ «выздоровѣвшемъ», хотя какъ можетъ выздоровѣть неизлѣчимый?

«Если здоровый супругъ продолжаетъ питать привязанность къ больному, то послѣдній, выздоровѣвши, дѣйствительно возвращается счастливымъ въ свое семейство, ибо оно у него есть, т. е. члены его семьи неизмѣнили своихъ чувствъ къ нему. Объ этихъ случаяхъ нечего и разговаривать, ибо тутъ закону нечего дѣлать. Разводъ всегда факультативенъ: никто не принуждается къ осуществленію своего права требовать расторженія брака. Если говорится о разводѣ, то, конечно, имѣются въ виду субъекты, чувство привязанности которыхъ къ больному уже исчезло. Поэтому выздоровѣвшій не можетъ возвратиться въ свою семью, ибо у него такой семьи уже нетъ: члены ея для него уже чужие. Какое счастіе идти къ чужимъ?»

Многіе годы душевной болѣзни, исключающей духовное

объщаніе, все перевернули. Здоровый супругъ и дѣти измѣнились, прониклись за эти годы другими мыслями и чувствами. И это весьма естественно: съ течениемъ времени все измѣняется. Но и самъ выздоровѣвшій супругъ, какимъ является онъ къ прежнему своему семейству? Безъ сомнѣнія не такимъ, какимъ онъ былъ, ибо протекшіе годы душевной болѣзни наложили на него свою печать. Говоря о закрытіи для выздоровѣвшаго супруга его семейного приюта, подъ постѣднимъ разумѣютъ нечто похожее на жилье, на усадьбу, которую отняли у владѣльца и передали другому лицу. Приюта, какъ замѣчено выше, уже неѣть, ибо съ протечениемъ времени исчезло и то, что его составляло, исчезли семейныя отношенія. Но что же дѣлать? Вѣдь тутъ дѣйствуетъ природа вещей, заставить тутъ помочь нечѣмъ? Особенно не будетъ помощи въ сохраненіи на бумагѣ тѣхъ отношеній, которыя утратились».

А болѣй еще не выздоровѣвшій?—здѣсь то же самое.

Пока любовь къ больному не исчезла у его здороваго супруга, заботливость о больномъ обеспечена. Въ это время здоровый не станетъ, какъ мы сказали, конечно, и искать развода.

Но вотъ здоровый супругъ развода ищетъ. Не значить ли это, что любовь пошатнулась, что ея мѣсто застунило охлажденіе? Съ этой поры внимательство и нѣжность ухода уже исчезаютъ.

Мѣсто ихъ замѣняетъ исполненіе долга, т. е. минимумъ ухаживанія, не превышающій уходъ посторонняго лица. Однако и это еще хорошо. Но да,тѣ. Положеніе больного очевидно становится все болѣе и болѣе позавиднымъ.

Предположимъ, что «супруги не иитали другъ къ другу привязанности, а можетъ быть даже иитали взаимную антипатію. Тогда положеніе больного можетъ оказаться ужаснымъ: ему можетъ быть не только отказано въ необходимомъ уходѣ, но даже оказано совершенное пренебреженіе. Если же здоровый супругъ не особенно честенъ, то не постыдится принимать положительныя мѣры къ сокращенію вѣка субъекта, ставшаго ему поперекъ горла»¹⁾.

Спорившіе въ комиссіи совершенно выпустили изъ виду, что «любовь здороваго супруга къ душевно-больному можетъ быть безконечная въ первые годы одиночества, любовь—состраданіе, затѣмъ фатально и именно по необдуманности закона можетъ перейти сначала въ отчужденіе, а затѣмъ и въ страш-

¹⁾ Полетаевъ. Ibid. 55.

ную вражду, глубокую отъ отчаянія ненависть вслѣдствіе сознанія, что этотъ душевно-больной, который ни въ чемъ не нуждается, кроме ухода, легъ бревномъ поперекъ: 1) возможныхъ дѣтей, 2) возможной любви, 3) возможного полнаго хозяйства, и всей экономіи къ психологіи «дома» (понятіе сложное и духовное). Словомъ «поворъ къ несчастію», «причина къ несчастію» всегда, въ концѣ концовъ, при всякомъ человѣческомъ терпѣніи, начинаетъ чувствоватьсь чѣмъ-то враждебнымъ» (Розановъ).

Очевидно, что для блага больного нужно, чтобы бракъ былъ расторгнутъ.

И еще... Неужели же здоровый совсѣмъ не стоить жалости.

Неужели не безжалостно и не противоразумно—удерживать семью, дѣтей, жену въ постоянномъ страхѣ отъ присутствія безумнаго въ семье (если онъ не въ больнице) или не противоразумно и жестоко связывать живого супруга съ мертвымъ, ионуждая этого живого создавать любодѣйную семью на глазахъ дѣтей потому, что нельзя же надѣяться, что человѣкъ выдержитъ свое вдовство при живомъ супругѣ.

Однако, можетъ быть, всѣ доказанныя нами соображенія разбиваются обѣ одно: невозможность констатировать неизлечимость болѣзни.

На эту невозможность ссылается и комиссія, когда ее такъ пугаетъ перспектива,—что больной-выздоровленникъ окажется лишеннымъ крова.

Однако, насколько велика неустойчивость медицины въ діагнозѣ неизлечимости.

Мы не можемъ вмѣшиваться въ область медицины и приводимъ здѣсь только резюмѣ чужихъ рѣчей.

Можно считать установленнымъ, что въ въ отношеніи такъ называемаго вторичнаго помѣшательства фактъ неизлечимости легко установить.

Психіатрическій опытъ показываетъ, что при хроническомъ затяжномъ помѣшательствѣ иногда наблюдаются никакъ неожиданное выздоровление, спустя много лѣтъ послѣ начала болѣзни. Преимущественно французские; отчасти также английские и пѣмецкие психіатры приводили примѣры, гдѣ выздоровленіе наступало черезъ 8, 15 и даже 20 лѣтъ. При обсужденіи этого вопроса въ засѣданіи британскаго медико-психіатрическаго общества въ 1882 году, одинъ англійскій психіатръ

сообщить случай, имѣвшій мѣсто въ Саксонії, гдѣ разводъ допускается, если помѣшательство одного изъ супруговъ длилось 3 года и признано неизлѣчимымъ. Мужъ, получившій разводъ, спустя 3 года послѣ развода собирался жениться и уже обзавелся невѣстой, когда получилъ извѣстіе, что бывшая жена его, помѣщенная въ частномъ заведеніи, выздоравливаетъ; она тогда поспѣшила взять ее и вновь вступить въ бракъ съ нею. Сообщалось также случаи изъ практики той же Саксонії, гдѣ супругъ выздоравливать послѣ того, какъ былъ признанъ неизлѣчимымъ, бракъ расторгнутъ, и другой супругъ уже успѣвать вступить въ новый бракъ. Повидимому — указать срокъ болѣзни гарантирующей неизлѣчимость — дѣйствительно—нельзя. Между тѣмъ, законъ о разводѣ вслѣдствіе помѣшательства долженъ установить *обязательно* извѣстный срокъ, и этотъ срокъ не можетъ быть слишкомъ длиненъ; иначе не достигалась бы цѣль, преслѣдуемая защитниками такого закона.

Какъ же быть, когда, при опредѣленіи такого срока въ 3 года или даже 5 лѣтъ, нельзя быть увѣреннымъ, что выздоровленіе невозможно. Нѣть сомнѣнія также, что «буде выздоровленіе учинится», когда здоровый супругъ уже успѣль основать законную семью, то благодаря закону о разводѣ обѣ стороны могутъ оказаться въ безысходномъ трагическомъ положеніи.

Полагаемъ, рѣшенія можно найти въ положеніи, что общія нормы права не могутъ основаться на курьезахъ, хотя бы и медицинскихъ.

«Надо замѣтить, что позднее, неожиданное выздоровленіе отъ хронической душевной болѣзни, дѣлящейся болѣе 3—5 лѣтъ, составляетъ крайнюю рѣдкость, и случаи, подобные вышеприведеннымъ, гдѣ законъ о разводѣ приводилъ къ столь непредвидѣннымъ осложненіямъ, принадлежать именно къ курьезамъ. Изъ-за того, что знанія наши не отличаются абсолютной достовѣрностью, и что наши сужденія въ отдѣльныхъ случаяхъ могутъ оказаться ошибочными, нельзя отвергать установлѣнія нормъ для практическихъ цѣлей. Вездѣ приняты сроки для признания помѣшательства неизлѣчимымъ для разныхъ другихъ цѣлей, и эти узаконенія, если ихъ примѣненіе обставлено достаточными гарантіями въ смыслѣ добросовѣстного рѣшенія каждого конкретнаго случая компетентными лицами, осуществляются безъ всякихъ затрудненій. И по отношенію

къ расторженю брака, какъ мы видѣли, большинство психиатровъ не оспаривали, что спустя 3 года, а тѣмъ болѣе чрезъ 4 или 5 лѣтъ послѣ начала душевной болѣзни, въ известномъ ряду случаевъ обнаруживаются такіе признаки, которые ставятъ неизлѣчимость вѣдь всячаго сомнѣнія».

Эти признаки сводятся—повторяемъ—къ такъ называемому вторичному или послѣдовательному слабоумію, которое наступаетъ въ большей или меньшей степени въ указанный срокъ при самыхъ различныхъ формамъ затяжного помѣшательства.

Только въ этихъ случаяхъ и возможно говорить о духовной смерти душевно-больного, и пусть—принимаемъ въ видѣ временнаго компромисса *minimam* списходительности—только они и принимаются въ разсчетъ при требованіи развода.

Допустимъ, однако, теперь, что случаи излѣченія сумашествія *даже* возможны.

Есть ли основаніе для гражданскаго права быть здѣсь такимъ осторожнымъ?

Нельзя ли, наоборотъ, думать, что въ цѣляхъ собственно охраны общества и государства должно идти навстрѣчу, искать его душевной болѣзни, пользуясь первымъ яркимъ доказательствомъ проявленія болѣзни, какъ достаточнымъ поводомъ къ разводу.

Мы видѣли, что въ сущности психическая болѣзни излечимая опаснѣе неизлѣчимыхъ для цѣлей «общественного отбора», положительно не допустимы, какъ грозящія новымъ поколѣніямъ душевно-больныхъ. Если общество не рѣшается на запрещеніе продолженія брака лицамъ опаснымъ для интересовъ общественного здравія, то по крайней мѣрѣ нѣть основаній поощрять такіе браки и искусственно охранять явленіе явно противообщественного характера.

Если физическая неспособность есть поводъ къ разводу, такъ какъ «мѣшаетъ цѣлямъ брака», тѣмъ болѣе долженъ быть допущенъ разводъ по сумашествію, психической, моральной неспособности, причинѣ несомнѣнно болѣе тяжкой и важной. Да, наконецъ, едава ли можно считать сумашедшаго вполнѣ здоровымъ и способнымъ въ физическомъ половомъ отношеніи. По свидѣтельству медицины, половыя функции выполняются при непосредственномъ участіи психической сферы, благодаря чему половая неспособность можетъ существовать при совершенно правильномъ и безболѣзномъ состояніи половыхъ органовъ, будучи обусловлена исключительно отсутствіемъ или

недостаткомъ полового влеченія, т. е., правильное развитіе и безболѣзненное состояніе половыхъ органовъ не исключаетъ возможности половой неспособности, въ силу того или иного психического состоянія данного лица.

Впрочемъ, на послѣднемъ пунктѣ не считаемъ нужнымъ настаивать. Ради полноты приводимъ аргументъ пожалуй предпочтая, что бы его не было.

Во всякомъ случаѣ, взглѣдъ церковнаго сознанія, по нашему мнѣнію, здѣсь не можетъ считаться невыяснимымъ: участіе въ тайнѣ брака и дѣторожденіе съ душой недостаточно трезвой и сознательной, «смертный грѣхъ» противъ тайны брака.

Поэтому если мы вообще голосовали «за» по вопросу о сумашествії, какъ поводѣ къ разводу, то расходясь съ мнѣніемъ комиссіи даже повидимому, въ бесспорной ея части, гла-сящій, будто разводъ возможенъ только въ крайнемъ случаѣ, если потеряно даже сознаніе семьи и т. д., лично мы идемъ далѣе, примыкая къ тезису проф. Оболенскаго. «Разводъ допускается въ случаяхъ неизлечимаго кругового помѣшательства, эпилепсіи и меланхоліи». Этотъ, намъ кажется, будетъ болѣе осторожнымъ.

А отсюда тѣмъ болѣе осторожность требуетъ развода, когда вышеупомянутыя формы помѣшательства выразились въ формахъ, не возбуждающихъ сомнѣній.

* * *

Всѣ указанные выше соображенія и требованія хотя бы въ *minimum*¹⁾, повидимому, настолько ясны, что невольно рождается вопросъ: не было еще какихъ неформулированныхъ мотивовъ указанного рѣшенія?.. И оказывается, что есть: не сомнѣнно, что комиссія, руководилась такъ называемымъ принципомъ виновности, сильно выраженнымъ въ прусскомъ уложеніи, которое такъ вліяло на русскихъ.

Нельзя, конечно, не признать, что реальные жизненные отношенія, «хозяйственный вредъ и нравственные опасности, проистекающія изъ недопущенія здороваго супруга, указываютъ очень вѣскія основанія въ пользу развода по приведенной причинѣ; но эти основанія не настолько важны, чтобы оправдать исключение изъ принципа, что только по винѣ одного супруга можетъ быть допущенъ разводъ»—писали авторы первого Германскаго уложения.

¹⁾ Воротынскій. Душевная болѣзнь одного изъ супруговъ... (Врачъ, за 1898 г. № 45).

Отъ гипноза этой идеи не свободно было русское сознание.

Именно этот взглядъ защищаетъ и Завадскій и комиссія утверждая, что «существіе—несчастіе, а не преступленіе».

«Можетъ быть, свободная связь (безъ брака), нестѣсняющая нашей морали, будетъ по вкусу нашимъ правнукамъ, говорить Де-Клу,—но это время не пришло, а наша цивилизациіа имѣеть о бракѣ болѣе высокое и болѣе вѣрное понятіе; поэтому пусть разводъ изрекается въ случаѣ недостойности одного изъ супруговъ, а не въ случаѣ немощи». Тоже повторяетъ и комиссія. Не права ли она здѣсь?—Нѣть.

Право—полагаемъ мы—должно освободиться отъ такихъ неюридическихъ тенденцій. Современный взглядъ на бракъ именно подтверждаетъ необходимость развода по случаю душевной болѣзни.

«Если бы мы смотрѣли на свободную связь, какъ на нечто безразличное съ этической точки зреія, то и нечего было бы стѣсняться заведеніемъ новой семьи при впаденіи супруга въ душевную болѣзнь. Но такъ какъ мы смотримъ на бракъ, какъ на союзъ, сопряженный съ извѣстными обязанностями и при томъ заключаемый обыкновенно на всю жизнь, то и является необходимость допустить разводъ, если представляется къ тому достаточное основаніе, каковымъ должно признать неизлѣчимую болѣзнь»¹⁾.

Что же касается мысли, будто при решеніи вопроса о допустимости развода нужно руководиться идеей виновности, недостойности одного изъ супруговъ, то это мнѣніе чистой и сомнительной этики не можетъ быть принято наукой юридической.

Прежде всего, трудно сказать, чтобы здѣсь принялся въ чистотѣ видѣ принципъ виновности. Имѣется въ виду не виновность одной стороны, а *отсутствіе* виновности другой? Странный принципъ. Но ведь «если впавшій въ душевную болѣзнь супругъ невиновать въ этомъ», то ведь и здоровый супругъ въ этомъ не виноватъ, а между тѣмъ, постѣдній ничѣмъ не можетъ помочь больному, въ особенности не помочь впавшаго въ болѣзнь тутъ не причемъ, ибо разводъ признается въ этомъ случаѣ недопустимъ, не вслѣдствіе эксплоатированія здоровымъ супругомъ немощнаго больного, а вслѣдствіе наступленія такого обстоятельства, которое разрушаетъ

¹⁾ Погодаевъ. Журн. Юрид. общ., idid. 56.

фактически брачный союзъ, какъ разрушаетъ его смерть одного изъ супруговъ. Въ силу такой же немощи берутъ въ опеку впавшаго въ душевную болѣзнь супруга, а опекуномъ назначаютъ здороваго, который береть въ управление имущество опекаемаго, распоряжается его личностью, помѣщаетъ его въ клинику или учреждаетъ надъ нимъ надзоръ и т. д. Никто, конечно, не усмотритъ въ этомъ несправедливаго увеличенія правъ здороваго супруга въ ущербъ немощному больному.

Наконецъ, если обосновывать разводъ на мотивѣ виновности, то въ извѣстныхъ случаяхъ онъ на лицо...

Возьмемъ случай немощательства, какъ послѣдствіе сифилиса, напримѣръ. Больной въ данномъ случаѣ очевидно виновенъ въ своей болѣзни, которая въ то же время есть несчастіе здороваго.

Но, вѣдь возможны случаи и обратные, когда здоровый супругъ виноватъ въ развитіи душевной болѣзни другого супруга?

Да, возможны и здѣсь, повидимому, вопросъ о виновности болѣе естественнѣй. Справедливо ли будетъ оставить безъ возмездія такое поведеніе и какъ бы наградить требующаго развода допущеніемъ послѣдняго? Есть мужья пьяницы, пропивающіе все и терзающіе своихъ женъ, которыхъ оттого впадаютъ въ душевную болѣзнь. «Неужели эти негодяи, говорить Вуазенъ, могутъ требовать развода? Нужно безъ сомнѣнія наказывать такихъ мужей и отказывать имъ въ ихъ требованіи»¹⁾.

Повторялемъ, что здѣсь оппозиція страведливѣ — но... несправедливо, полагаемъ, наказывать и въ этомъ случаѣ. Виновный и невиновный супругъ одинаково *обязаны содержать больного*.

Затѣмъ если виновность виновнаго есть преступленіе, то оно должно быть предусмотрѣно уголовнымъ правомъ.

Но немыслимо и невозможно наказаніе безбрачіемъ.

«Бракъ есть институтъ, составленный изъ многихъ элементовъ — физического, нравственного, хозяйственного и юридического общеія супруговъ. Всѣ эти элементы брака имѣютъ значеніе, хотя и неодинаковое; со всѣми ими долженъ считаться законодатель, опредѣляя условія какъ заключенія, такъ и расторженія брака: по винѣ или безъ вины другого супруга разрушенъ тотъ или другой элементъ, — все равно, бракъ перестаетъ существовать, или, по крайней мѣрѣ, правильно

¹⁾ Ibid. 57.

функционировать, а следовательно, такому нормальному браку должна быть открыта юридическая возможность прекращения его, такъ какъ супруги при ненормальномъ бракѣ не рѣдко страдаютъ не меныше и въ томъ случаѣ, когда кто-либо виноватъ изъ нихъ, какъ и въ томъ, когда ни на комъ изъ нихъ вины не лежитъ» (Загоровскій. «Семейное право»).

II.

По плану нашей работы мы должны закончить главу справкой въ «законѣ-канонѣ» православныхъ церквей и въ законодательствѣ—запада.

Начинаемъ справку съ церковно-государственного канона Византіи.

Юстиніанъ въ 117 новеллѣ опредѣление и решительно запрещаетъ разводъ ради сумашествія. Мотивъ старый: жалость—обязанность заботиться о больномъ.

Это запрещеніе принято и въ Номоканонѣ.

Левъ Философъ оказался снисходительнѣе: онъ призналъ и сумашествіе супруга достаточнымъ поводомъ къ разводу брака. Согласно съ 111 новеллой этого императора, мужъ сошедшей съ ума жены три года долженъ сносить это несчастье; по истечениіи же трехъ лѣтъ, если сумашествіе жены и не прекратилось, могъ развестись съ ней.

Въ 112 новеллѣ Левъ Философъ далъ то же право и женѣ, но только по истечениіи 5-ти лѣтъ отъ начала проявленія сумашествія мужа. «Если порочная жизнь, неспособность къ брачному сожительству» (понимаемая въ смыслѣ неспособности супруга къ совершеннюю полового акта), говоритъ Левъ Мудрый—«достаточныя основанія для развода, то тѣмъ болѣе сумашествіе, которое *по причиняемому злу* превосходитъ всѣ иные поводы». И греческая церковь, хотя 111-ая и 112-ая новеллы составлены были послѣ изданія Номоканона, этотъ *поворотъ къ разводу признала* вполнѣ достаточнымъ.

Позднѣйшее церковное право греческой церкви оказалось цѣликомъ на сторонѣ Льва.

«Законы и правила церкви въ частности и новелла Юстиніана, опредѣлившая ясные и разумные поводы для расторженія брака, не упоминаетъ о сумашествіи, только въ новеллѣ Льва Философа сумашествіе признается, какъ поводъ къ разводу, тѣмъ не менѣе и здѣсь допускается не произвольно, а съ необходимыми разъясненіями. Такъ въ титл. 6 Василикъ

говорится слѣдующее: «если сумашествіе легкое, постоянное ли или периодически появляющееся, то здоровая половина не должна давать развода страдающей, въ положительномъ же случаѣ бракъ считается расторгнутымъ безосновательно и виновный подвергается опредѣленной эпитиміи (*κατα τῶν μάτρων πειρόντων ῥεπούδιον*). Ибо не человѣколюбивый ли поступокъ—принять участіе въ случайныхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ мужа или жены? Если же сумашествіе настолько жестоко и опасно, что нѣть никакой надежды на выздоровленіе, если особенно при этомъ болѣзнь можетъ угрожать даже прислуживающимъ больному—другая половина имѣть право развода ради невозможности супружески сожительствовать и имѣть дѣтей».

Это мы читаемъ въ постановленіяхъ теперешняго Константинопольского Синода (№^o 109 *Θεοτοκός*, ст. 260).

«Если сумашествіе случится до свадьбы или въ день свадьбы, то разводъ, по закону, долженъ быть сдѣланъ тутъ же; если же послѣ свадьбы, то мужъ обязанъ мириться съ несчастіемъ жены три года, а жена—нять лѣтъ», читаемъ въ другомъ опредѣлениі.

«... Св. Синодъ принялъ во вниманіе, что жена, по признанию ея матери, страдаетъ душевной болѣзнию, которой она подверглась еще до выхода замужъ и что мужу не было объ этомъ извѣстно до свадьбы, призналь возможнымъ дать разводъ на основаніи каноническихъ постановленій, при чемъ обязывается мужа возвратить женѣ полностью ея имущество или приданое и выдать ей денежное пособіе на содержаніе *). Взглядъ опредѣленный и ясный.

Такого же взгляда держатся и другія православныя церкви. Въ болгарской экзархіи церкви—бракъ расторгается, если:

«Одинъ изъ супруговъ впадетъ послѣ бракосочетанія въ эпилепсію, идіотство (слабоуміе) и т. под. (Прибав. къ Екзарх. Уставъ VI, гл. 187, алинея 7).

Менѣе ясна практика Сербіи—однако вотъ довольно определенное рѣшеніе суда по дѣлу «науништания брака на основу душевне болести женине».

«Первое и главное дѣло брака—умноженіе рода человѣческаго ради прославленія имени Божія; а другая цѣль—взаимная помощь между мужемъ и женой.

¹⁾ Въ послѣднемъ случаѣ и у насть супруги были бы *de facto* разведены,—хотя это называлось бы признаніемъ брака „недѣйствительнымъ“.

Но такъ какъ жена Х—неспособна служить цѣлямъ брака—по душевной болѣзни и болѣзнь неизгѣчима по свидѣтельству трехъ врачей—судь—долженъ быть расторженъ по силѣ 87 пр. 6-го Вселенскаго Собора и гл. 96, 205, 216 и 219 законы церквами властями такъ какъ болѣзнь—равна физической смерти (физичкој смрти)....¹⁾.

Русская церковь?—Она всегда шла стѣдомъ за греческой церковью, ея номоканономъ.

Къ сожалѣнію, новелла Льва не вошла въ законодательные русскіе кодексы.

Причины очень просты—новелла появилась послѣ составленія номоканона. Такимъ образомъ закономъ для русской церкви стала 117 новелла Юстиніана. Однако, повидимому, церковное сознаніе въ данномъ случаѣ не хотѣло подчиниться даже строгой буквѣ яснаго закона.

Мы знаемъ, что практика древне-русской церкви признала этотъ «номоканоническій» по буквѣ поводъ вполнѣ законнымъ и достаточнымъ. Правда, что иногда онъ и оспаривался въ этомъ значеніи. Это видно, напримѣръ, изъ нападковъ митрополита Даниила, великаго ревнителя крѣпости и нерасторжимости брачнаго союза, на тѣхъ, кто позволялъ себѣ разводиться «аще ума изступитися и бѣсноватися единому отъ супруговъ», а также и на тѣхъ, кто считалъ достаточнымъ поводомъ къ разводу проказу и вообще тяжкую заразительную и отвратительную болѣзнь.

«Любъ колико пострада лѣтъ въ величай болѣзни проказенія, но жена его не оставила его», пишетъ онъ.

Мы, однако, можемъ не придавать особаго значенія такого рода «исключеніямъ». Мы имѣемъ все же несомнѣнныя доказательства, что сумасшествіе поводомъ къ разводу считала старая русская церковь всегда.

«Разлучающихся мужа или жену отъ брачнаго союза за болѣзнями отиудь безъ синодскаго разсужденія не разводить и не постригать, токмо изслѣдовавъ о томъ обстоятельно и опасно, и освидѣтельствовавъ болѣзни докторами». Это пѣтата изъ синодальшаго указа 1723 года 22 марта.

Въ 1725 году 18 декабря Моск. Дух. Конс. было решено такое дѣло: «по члобитю жены, что «со времени вѣнчанія, мужъ ея 15 лѣтъ находится въ безумствѣ», вѣтко было про-

¹⁾ Изъ архива Нѣскої епархіи 1894 г., дѣло № 124.

извести слѣдствіе духовныхъ дѣлъ управителю. При слѣдствії родители мужа, духовный отецъ и посторонніе свидѣтели подтвердили это. Бракъ расторгнуть на основаніи Кормчей книги (Нов. Зав. Инс. Царя ж. 4—3 ак. II п. 2), и ей дозволено вступить въ бракъ», см. у Розанова Ист. Моск. Епарх. Упр., ч. I пр. 314, № 2, стр. 226.

Если въ XVIII вѣкѣ тяжкая физическая болѣзнь и психической недугъ считались вполнѣ законными и достаточными поводами къ разводу, то, конечно, это уже доказывается, что жестокіе нападки на нихъ еще въ XVI вѣкѣ были исключениемъ изъ общаго духовнаго правосознанія.

Правда разрѣшеніе для такихъ разводовъ обставлено лѣкторыми ограниченіями—требовалось «Синодское разсужденіе», обстоятельное и опасное изслѣдованіе и освидѣтельствованіе болѣзни докторами, но самыи характеръ этихъ ограниченій указываетъ на то, что они имѣли цѣлью не искоренить совершино разводъ по этому поводу, а лишь ограничить и регулировать допускаемый практикой произволъ.

Тогда «осторожность» была, но она не была злой.

Зачѣмъ же теперь эта безжалостная осторожность?

* * *

Въ заключеніе—наличное законодательство Запада.

Изъ законодательства Западной Европы наиболѣе либерально въ смыслѣ многочисленности поводовъ къ разводу Цюрихское (1854 г.). Здѣсь, наравнѣ съ прелюбодѣяніемъ, злостнымъ оставленіемъ и проч. указаны: неизлечимая и отвратительная болѣзнь, также эпилепсія, если такая болѣзнь уже имѣлась во время заключенія брака, оставаясь скрытой, или если она возникла впослѣдствіи по собственній винѣ; далѣе, развратная жизнь и привычное пьянство; иаконецъ, сумасшествіе или полное слабоуміе безъ надежды на улучшеніе.

Въ 1876—по 92 ст. женевскаго кодекса разводъ допускается во всей Швейцаріи.

Англійское законодательство (The Matrimonial Causes Act) не содержитъ статей, касающихся значенія помѣшательства для расторженія брака. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ иски о разводѣ вслѣдствіе душевной болѣзни супруга решались судомъ въ смыслѣ удовлетворенія, въ другихъ же отвергались, смотря по условіямъ дѣла.

Франція какъ и вообще въ брачномъ правѣ—такъ и здѣсь въ панкемъ вопросъ—очень пуританска. Въ эпоху революціи,

въ 1792 г. былъ изданъ законъ, допускавшій расторженіе брака вслѣдствіе помѣшательства, но законъ этотъ былъ отмѣненъ въ 1816 г.

Современное законодательство, допускающее разводъ, введенное въ 1882 году, также не считается съ душевной болѣзнью, какъ поводомъ для расторженія брака.

Въ 1878 депутатъ Naket внесъ предложеніе—включить душевную болѣзнь въ число поводовъ къ разводу. Его поддерживалъ позже депутатъ Луи Гильо, который предложилъ параграфъ такого рода, чтобы наличность помѣшательства одного изъ супруговъ, длящагося не менѣе двухъ лѣтъ и признанного неизлечимымъ, также могла составлять поводъ къ расторженію брака. Предложеніе это было передано на разсмотрѣніе комиссіи изъ психіатровъ, и она высказалась противъ него.

Вмѣсть съ тѣмъ, по поводу этого предложенія возникли оживленныя пренія въ Парижскомъ медико-психологическомъ обществѣ и въ специальной прессѣ, при чемъ лишь немногіе изъ французскихъ психіатровъ признавали полезнымъ допущеніе развода изъ-за неизлечимаго помѣшательства¹⁾.

Что касается Германіи, то постановленія кодексовъ многочисленныхъ нѣмецкихъ государствъ относительно разматриваемаго вопроса неодинаковы. Напр., въ Пруссіи, Саксоніи и Баденѣ разводъ давно допускается, если неизлечимое помѣшательство (Wahniss und Raserei Landr. II, 1, 696) длится три года; въ пѣкоторыхъ прирейнскихъ государствахъ, а также въ Мекленбургѣ, Вюртембергѣ и др. разводъ изъ-за помѣшательства вовсе не допускается; въ Ганноверѣ и нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ княжествахъ онъ допускался съ тѣмъ ограниченіемъ, «если душевная болѣзнь не произошла по винѣ здороваго супруга». Въ 1888 году былъ опубликованъ проектъ новаго общегерманскаго гражданскаго кодекса, и въ немъ вовсе не допускался разводъ изъ-за помѣшательства. Этотъ проектъ подвергся критическому разбору со стороны нѣмецкихъ психіатровъ, при чемъ главнымъ образомъ авторитетные ученыe Крафтъ-Эбингъ и Мендель требовали введенія статьи, которая допускала бы возможность развода вслѣдствіе неизлечимаго помѣшательства одного изъ супруговъ, если оно продлится известный срокъ.

Въ окончательной редакціи названнаго кодекса введенъ та-

¹⁾ Журн. Мин. Юстиціи 1899 г., № 3. Розенбахъ, Ibid. 56.

кой параграфъ (ст. 1569). Онь гласить: «супругъ можетъ требовать развода, если другой супругъ виалъ въ душевное разстройство, если болѣзнь длилась во время брака не менѣе трехъ лѣтъ, и если она достигла такой степени, что духовное общеніе между супружами прекращено ею, и нѣть никакой надежды на возстановленіе этого общенія».

Какъ мы видѣли, составители проекта новаго уложенія колебались именно между этимъ послѣднимъ рѣшеніемъ и аргументами авторовъ 1-го проекта гражданскаго уложенія. Не трудно рѣшить—который изъ двухъ нѣмецкихъ проектовъ логичнѣе.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что и у насъ душевная болѣзнь служить достаточнымъ поводомъ къ разводу для лютеранъ. Въ силу ст. 379 т. XI ч. 1 Уст. иностр. исп.: «Бракъ расторгается—по просьбѣ одной изъ сторонъ, если законнымъ слѣдствиемъ доказано, что другая сторона лишилась ума или имѣеть припадки бѣшенства и что сіе поврежденіе умственныхъ способностей продолжается болѣе года и по увѣренію врачей нѣть надежды къ выздоровлению».

Что же развѣ по отношенію къ лютеранамъ можно быть менѣе осторожными?

Или у протестантовъ нѣть обязанностей заботы о больномъ супругѣ? У протестантовъ можно опредѣлять непрѣдѣльность душевной болѣзни безошибочно? Для нихъ особая психиатрія? ¹⁾).

Архим. Михаилъ.

¹⁾) Боровиковскій. Бракъ и разводъ по проекту гражд. уложенія. Журналъ минист. юстиціи 1902 г. Октябр., стр. 40.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — профессор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки